

ПРОЛОГ

Тьма. Тяжелая и вязкая, она обволакивает тяжелым облаком, не давая вздохнуть. Тишину нарушают шаги. Холодный пот струится по лбу, а сердце начинает бешено колотиться в груди. Неужели все? Стражники войдут в камеру, инквизитор монотонно зачитает приговор, его выведут на площадь...

— Дайон... — шепот за стеной. Осторожный, едва слышный, будто человек боится быть обнаруженным. — Дайон...

Глупая надежда наполняет душу. Неужели сейчас дверь камеры откроется?..

— Кто здесь? — Он приникает к решетке, до боли в глазах вглядываясь в темноту.

— Я... я — друг.

Внезапная, глупая радость, охватывающая его после этих слов, почти сразу сменяется недоверием:

— У меня еще есть друзья?

— Их много. Просто они пока не смогли сюда добраться. Но я для этого и пришел — сказать, что осталось недолго. Тебя отсюда вытащат.

— Когда? — Он старается, чтобы голос звучал твердо, но все равно срывается на тонкие ноты.

— Через месяц. Понимаю, это немалый срок, но я хочу, чтобы ты твердо знал: твое заточение закончится.

Тот человек, что за стеной, тяжело вздыхает.

— Но ты уже здесь. Если ты — друг, как утверждаешь, почему не можешь освободить меня сейчас?

— Я не могу.

Почему-то кажется, что человеку с той стороны двери в эту секунду еще более жутко, чем самому Дайону.

— Что значит «не могу»? — Он пытается надавить на собеседника, цепляется за невероятно тонкую ниточку надежды. — Я тебе приказываю, слышишь? Ты — мой подданный?

Молчание. Тишина, прерываемая только биением сердца и сбивчивым дыханием.

— Это слишком сложный вопрос, — наконец доносится из-за дверей.

Дайон скрежещет зубами. Что в этом вопросе может быть сложного?! Но черт с ним... Лишь бы этот человек, хотя бы назвавшийся другом, не ушел, оставив юного герцога в темноте подземелья.

— Ты — левансиец?

— Да.

Теперь тот, другой, отвечает практически мгновенно, и голос звучит уверенно.

— Значит, ты обязан выполнить мой приказ.

Хочется топнуть ногой, но он давно не позволяет себе проявления эмоций. Любая эмоция — это слабость, а ему надо быть сильным. Ради своих поданных, ради Денизы, ради самого себя, наконец..

Грустный смешок раздается за дверью.

— Наверное, я — единственный левансиец, на которого не распространяется это правило... — И снова по голосу кажется, будто незнакомец терзается не меньше, чем сам Дайон. — Нонсенс, конечно... Но здесь все нонсенс.

Все нонсенс... Герцог открыл глаза и вздрогнул. Спальня была чужой. Затянутые золотистым шелком

стены, огромная кровать под тяжелым балдахином, резной прикроватный столик, на котором стоял стакан с водой. Стоит ли ее пить или она отравлена? Отголоски сна были еще свежи в памяти. Дайон тряхнул головой и решительно взял стакан. Свежая вода прояснила мысли.

Герцог еще раз обвел взглядом комнату. Ах, да, он же в Эвендейле.

Прибыл два дня назад с визитом к эрлу Раймонду Ковентеджу, правителю графства и по совместительству мужу сестры.

Элинор л'Эстре, старшая сестра герцога Левансийского, известная в узком кругу посвященных как бывший младший агент левансийской разведки Дениза Арсе, ныне графиня Ковентедж, давно зазывала брата в гости. Он упорно откладывал визит, пока, наконец, во время очередного визита в Левансию, сестра не пригрозила заковать его в кандалы и вывезти силой, даже если для этого ей придется запихнуть брата в сундук.

— Надеюсь, что не по частям, — отшутился он.

Дениза ответила мрачным взглядом, и герцог понял, что дальнейшие отговорки неуместны. Пришлось отдавать соответствующие распоряжения Юрбену, личному секретарю, и Ферранту, приближенному лицу и главе левансийской разведки.

Наконец, после многочисленных согласований, визит состоялся. Так что теперь Дайон находился в гостевой спальне замка эрла Раймонда Ковентеджа. И вряд ли эрл, несмотря на многочисленные разногласия в прошлом, желает отравить герцога Левансийского.

Дайон одним глотком допил воду и встал. Ему не стоило ехать сюда в такое время. После пережитых в юности испытаний, герцог Левансийский всегда

плохо спал в чужой обстановке, а тут еще и апрель — время, когда прошлое особо настойчиво настигало его в сновидениях, а головные боли обострялись, становясь невыносимыми.

Звать слуг Дайон не стал — волосы слиплись от пота, а ему не хотелось, чтобы кто-то посторонний прознал о его кошмарах и донес Денизе. Не стоило тревожить сестру по пустякам. Быстро приведя себя в порядок, герцог вышел из комнаты. Замок только просыпался: где-то хлопали двери, на кухне повара разжигали огонь в печи. Не желая столкнуться с челядью и породить кучу ненужных сплетен, Дайон спустился во внутренний двор, где был разбит небольшой сад.

Скрытый от посторонних глаз сад, куда имели доступ только хозяин замка и близкие ему люди, только начинал пробуждаться от зимнего сна. Нежная листва едва проклюнулась на ветках, на клумбах отцвели крокусы, готовые уступить свое место тюльпанам и нарциссам.

Цветы Дайона трогали мало, как и наступившая, наконец, поздняя весна. Как всегда, после ночных кошмаров мысли путались, а стук сердца отдавался в ушах громким гулом. Поежившись (утро было морозным), герцог подошел к колодцу и решительно вылил на себя ведро воды. Нервная дрожь сменилась дрожью от холода, естественной, понятной, не пугающей. Он прислонился к деревянному вороту, чувствуя, как ледяные капли струятся по телу, унося с собой вязкий страх ночи.

— Ты рано проснулся. — Дайон резко обернулся. Дениза стояла за спиной, недовольно морщась от ледяных брызг. — Опять снились кошмары.

Она не спрашивала, а утверждала, и отпираться не имело смысла.

— Не волнуйся. Я уже к ним привык, — проворчал герцог, присаживаясь на край колодца.

Дениза покачала головой. Она прекрасно знала, сколь тяжело бывали ночи брата, особенно в чужой спальне.

— Если бы я могла вытащить тебя оттуда раньше, — прошептала она.

— Это все равно ничего не изменило бы, и ты прекрасно это знаешь. — Дайон скользнул взглядом по ее стройной фигуре. Дениза была одета в бриджи и рубашку, на предплечьях красовались кожаные браслеты со специально изготовленными ножнами, из которых торчали рукояти кинжалов. — Опять повышала свою меткость?

— Не хочу терять навык. — Она небрежно пожала плечами.

— И как успехи?

— Почти идеально!

— Почти? — хмыкнул Дайон, доставая из голенища сапога нож и почти не глядя кидая его в мишень. Точно в центр.

Непосвященные здорово удивились бы, обнаружив у герцога такие таланты. Им и не положено было знать. Бессонница оставляет много часов для тренировок, а чувство уязвимости, привитое в юные годы, способствует мотивации. Впрочем, наверное, наследственность тоже сыграла определенную роль: меткость явно была семейной чертой.

— Почти. — Едва заметным движением Дениза выхватила клинки и отправила их вслед за ножом герцога один за другим. Они вонзились по обе стороны от рукоятки.

Дайон склонил голову набок, внимательно рассматривая пораженную цель, потом перевел взгляд на се- стру.

— Ты поссорилась с Ковентеджем?

— С чего ты взял? — приподняла брови Дениза.

Дайон насмешливо улыбнулся:

— Так да или нет?

— Да! То есть нет. Вернее... — Дениза опустила голову. Нерешительность была ей крайне не свойственна, и герцог нахмурился.

— Мне увезти тебя с собой?

— В кандалах и сундуке? — грустно рассмеялась Дениза.

Дайон закатил глаза:

— Все не можешь забыть те опрометчивые слова?

— Феррант воспринял их буквально.

— Феррант — осел. Но исполнительный и преданный Левансии.

— Феррант — умный человек и предан тебе, Дайон, как и все мы. — Дениза подошла ближе и ласково откинула челку со лба герцога, как часто делала прежде, когда жила в Левансии. — Все-таки тебе надо жениться.

— Надеюсь, не на Ферранте?

— Он не подходит для семейной жизни, — ответила она с грустинкой в голосе, будто Дайон высказал такое предположение всерьез. — Как, впрочем, и я... Странно, что Раймонд до сих пор этого не понял.

— Может, это ты не поняла, что отлично для нее подойдишь?

Дайон с нежностью потрепал сестру по волосам. Она вздохнула:

— Увы, я все понимаю. Даже слишком хорошо.

Дениза решительным шагом направилась к дереву, извлекла из ствола клинки и вернулась на позицию.

— Ты позволишь? — полушутливо поинтересовался Дайон, устанавливая новую мишень взамен испорченной. Судя по следам на рыхлой земле и отметинам на стволе, сестра тренировалась часа два. Значит, она либо злилась, либо была чем-то расстроена.

POBENYANNE BPEMEHEM

— Не скажешь, в чем все-таки дело? — как можно небрежнее спросил он, вставая рядом с Денизой.

Та хищно прищурилась, прицеливаясь.

— Я беременна, — словно невзначай сказала она и метнула кинжал. Попала точно в середину.

— Что?.. Ты?.. А...

Рука дернулась и нож улетел в «молоко». Дайон даже не заметил этого, растерянно глядя на сестру. Он никогда не думал о ней в таком ключе.

Денизу можно было представить на поле битвы, раздающей направо и налево меткие, смертоносные удары. Сидящей в тесном подвале и, согнувшись над столом, рисующей карту местности для других подпольщиков. Блистающей на балу и виртуозно пускающей пыль в глаза иностранных агентов. Но никак не матерью.

Во всяком случае, сколько герцог ни пытался представить ее в этой роли, ему не удавалось. Хотя, казалось бы, разве не к этому шло? Не зря же она полгода назад вышла замуж за Раймонда Ковентеджа, переехала к нему в Эвендейл и оставила работу агента. Вернее, агента Левансии. Насколько Дайону было известно, сестра успешно консультировала разведку Эвендейла. Впрочем, он тоже иногда получал от нее нужные Левансии сведения.

— Но... это же замечательно! — неуверенно проговорил он, всеми силами стараясь заставить себе чувствовать то, что говорит. — Ты рада?

— Безумно, — мрачно ответила Дениза, идеально отработанным движением извлекая второй кинжал. Брата-близнеца первого. — Материнство — это счастье. Наверное.

С этими словами она метнула оружие в мишень. Опять в точку.

— Я что-то об этом слышал.

— Любая женщина не может желать лучшей участи, — процедила сквозь зубы она. Направилась к дереву и снова выдернула клинки. — Любящий муж, дети, домашний очаг и что там еще...

— Но не ты.

— Но не я.

— Понимаю.

Дайон действительно понимал. Денизе было необычайно тяжело. Прошедшая через невероятное число невзгод, приключений и авантур, она оказалась совершенно не готова к такой ожидаемой, казалось бы, роли. И теперь чувствовала себя растерянной, даже испуганной. А потому искала успокоения в занятии, которое было ей знакомо и привычно.

Он вздохнул и обнял сестру за плечи, мягко привлек к себе. Как в старые времена, Дениза прижалась лбом к его плечу, ища поддержки.

— Что, если я не смогу? — тихо спросила она.

— Ты будешь прекрасной матерью, — искренне уверил герцог. — Мальчику никогда не будет с тобой скучно, а девочку ты сможешь научить постоять за себя!

Она фыркнула, а потом шмыгнула носом и отстранилась, чтобы смахнуть ладонью слезы.

— Извини, в последнее время я сама не своя.

— Почему ты не сказала мне вчера?

— Не бросаться же на тебя с порога такими новостями!

— Ковентеджу ты сказала, — проворчал Дайон.

Дениза ошеломленно взглянула на брата.

— Дайон! Он — отец ребенка!

— Угу, — хмыкнул герцог. — Для этого, знаешь ли, большого труда не требуется.

Дениза покачала головой:

— Все еще не можешь забыть вашу размолвку?

POBENYANNE BPEMEHEM

— У меня хорошая память. Я вообще не умею забывать... ничего.

— Хочешь, я поговорю...

— Я — большой мальчик, Дениза, — оборвал ее Дайон. — И могу сам о себе позаботиться.

Он фальшиво улыбнулся и предпочел вернуться в свою комнату. В душе царил сумбур.

Привыкший быть честным с самим собой, Дайон прекрасно осознавал, что не так рад только что услышанной новости, как положено быть любящему брату. Не потому, что недостаточно любил Денизу. Скорее наоборот. Сестра была единственной ниточкой, которая связывала его с настоящей жизнью, в противовес *существованию*.

Эта нить истончилась, когда Дениза вышла замуж и уехала в Эвендейл — событие, которому Дайон не только не препятствовал, но и, напротив, поспособствовал. Он понимал, что теряет очень близкого человека, но Дениза заслуживала своего счастья, пусть и с тем, кто много лет назад от нее отказался.

Опасения герцога, что брак сестры окажется неудачным, оказались напрасными, и Дайон был этому рад, хотя понимал, что их общение с сестрой не будет прежним.

Рождение ребенка грозило окончательно разорвать хрупкую связь. Именно теперь графиня Ковентедж остепенится по-настоящему, полностью погрузится в семью, перестанет надолго выезжать из замка супруга, и ее общение с братом станет ограничиваться все более короткими письмами на дни рождения и большие праздники.

Дайон знал, что это неизбежно, но не ожидал, что все произойдет так быстро. И что ему будет невыносимо тоскливо думать об этом. Тяжело вздохнув, он

потянулся за колокольчиком, чтобы вызвать слуг — следовало привести себя в порядок, пока никто не имел счастье лицезреть герцога Левансийского небритым и без камзола.

Огромные напольные часы пробили десять ровно в тот момент, когда Дайон, тщательно одетый, вошел в кабинет хозяина замка. Лишь влажные волосы напоминали сейчас об утреннем разговоре с сестрой.

— Эрл.

— Доброе утро, герцог!

Мужчины холодно взглянули друг на друга. Несмотря на внезапное родство, память о разногласиях, едва не приведших к войне, была слишком свежа.

— Как я понимаю, вас можно поздравить? — Дайон, как старший по титулу, первым нарушил затянувшееся молчание.

Ковентедж усмехнулся:

— Скорее уж посочувствовать!

— Вот как? — Лед в голосе герцога мог заморозить все графство.

Раймонд вздохнул:

— Не стану отрицать, я очень рад, но Дениза...

— Дениза?

— Она стала какой-то нервной. Вчера вечером увидела мертвую бабочку и рыдала битых полчаса!

Дайон пожал плечами:

— Женщинам свойственна сентиментальность.

— Мы говорим о Денизе? — приподнял бровь Раймонд. — Твоей сестре, которая в шестнадцать лет боролась за освобождение Левансии, оставляя за спиной горы трупов? Потом ездила по стране с отрядом карателей, дальше служила агентом тайной службы...

— Можешь не продолжать. — Когда речь заходила о Денизе, они нередко переходили на ты, хотя Дайон

POBENYANHHE BPEMEHEM

в целом предпочитал более официальную форму общения.

— А еще она боится, — мрачно сообщил Ковентедж.

— Дениза?! Быть не может! Чего?

— Того, что этот ребенок станет еще и твоим наследником!

Дайон недоуменно нахмурился:

— А что в этом плохого?

— Унаследовать огромное герцогство? Хорошего тоже мало. Будем откровенны, Дайон, из-за этих земель пролито слишком много крови.

— Из-за твоего графства тоже.

— Не спорю, но масштабы... Скажи, ты сам не задумывался о женитьбе? — напрямую спросил Раймонд.

— Нет, — слово далось с трудом, словно герцог предавал сестру.

— Тогда я настоятельно рекомендую подумать! Левансии нужен наследник, и им не может стать следующий эрл Ковентедж!

— Может быть, нам лучше начать обсуждать торговые пошлины. Пока я не занялся свадебными приготовлениями. — Дайон не потрудился скрыть иронию в голосе.

Раймонд скептически хмыкнул, но достал из шкапки проект договора. Герцог кивнул и углубился в то, что у него хорошо получалось.